

© 2021

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории
Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия)
(e-mail: kapkansv@mail.ru)

ОТ «ВАШИНГТОНСКОГО КОНСЕНСУСА» К «ПЕКИНСКОМУ» – ПУТЬ РОССИИ

В статье используется методология мир-системного анализа и теория системных циклов накопления капитала для обоснования переломного этапа современной эпохи в связи с развернувшейся сменой господствующего мирохозяйственного уклада. Интенсификация гибридной войны США против Китая и России рассматривается в качестве неизбежного следствия завершения очередного системного цикла. Проведен сравнительный анализ отживающего «вашингтонского консенсуса» и приходящего ему на смену «пекинского консенсуса». Отстаивается необходимость всесторонней интеграции России в азиатский мирохозяйственный уклад как способ обеспечения ее устойчивого экономического развития и укрепления национальной безопасности в обозримой перспективе.

Ключевые слова: системный цикл накопления капитала, мирохозяйственный уклад, «вашингтонский консенсус», «пекинский консенсус».

DOI: 10.31857/S020736760016131-3

Происходящий в настоящее время и предсказанный Э. Тоффлером переход от индустриальной волны цивилизации к волне информационной, скорость распространения которой является десятикратно более высокой, побуждает науку всерьез задуматься о ближайшем и отдаленном будущем российской экономики. Оценка перспектив ее предстоящего развития предполагает всесторонний учет в процессе прогнозирования системных циклов накопления капитала, обоснованных итальянцем Дж. Арриги [1] в рамках так называемого мир-системного анализа, теоретические основы которого заложили французский историк Ф. Бродель и американский социолог И. Валлерстайн. Таких системных циклов и соответствующих им господствующих мирохозяйственных укладов в рамках индустриальной волны до сих пор насчиталось четыре: испано-генуэзский, голландский, британский и американский. Однако, начиная с Великой рецессии 2008–2009 гг., на планете развернулся острый кризис американского мирохозяйственного уклада – кризис терминальный, который объективно непреодолим в рамках сложившегося мироустройства и способен разрешиться исключительно через переход функции доминатора к азиатскому мирохозяйственному укладу. В ближайшие 15–20 лет в мире по закономерностям развертывания циклов Арриги, скорее всего, будет усиливаться гегемония КНР и целого ряда других азиатских стран, где проживает свыше 60% населения планеты.

Еще 10–15 лет тому назад трудно было предвидеть подобный разворот событий. В 2007 г. благодаря британскому историку Н. Фергюсону и немецкому экономисту М. Шуларуку в словесный оборот вошел неологизм «Кимерика» (Chimerica), обозначающий феномен чрезвычайно тесного и взаимовыгодного переплетения в конце XX – начале XXI вв. американской и китайской экономики в русле либеральной глобализации всемирного хозяйства. Действительно, в интересах обеих стран тогда наблюдалось наложение китайских сбережений, инвестиций и экспортно ориентированного товарного предложения по невысоким ценам на гиперпотребление американцев, финансируемое масштабной долларовой эмиссией со стороны ФРС. Параллельно с этим интенсивно протекал процесс массивного приобретения китайскими экономическими субъектами (как государственными, так и частными) триллионных по стоимости американских долговых обязательств, которое поддерживало глобальный спрос на доллар и гарантировало его устойчивость параллельно с дальнейшим наращиванием потребительской активности граждан США. И казалось бы, подобная специализация двух сверхдержав к выгоде обеих сторон в рамках «Большой двойки» (суперблока по управлению четко разделенным миром, становление которого пестовали, например, Г. Киссинджер и З. Бжезинский) может продлиться чуть ли не вечно: слишком уж чрезмерной представлялась цена их «развода». Западный мир наивно надеялся, что осторожный Китай не станет своими руками резать курицу тесного союза с США, несущую ему золотые яйца. Однако Великая рецессия, ставшая в значительной степени итогом «Кимерики» как некоего стержня глобального хозяйства, попытки Б. Обамы и, особенно Д. Трампа (который признал данную модель сотрудничества экономически невыгодной для США), всемерно интенсифицировать конфронтацию двух ведущих стран, приход в кресло генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина, нарушившего традиции китайских властей особо не выпячиваться, категорически открещивающегося от своих лидерских притязаний и перешедшего в решительное контрнаступление по всем фронтам, кардинальным образом меняют экономическую и социально-политическую ситуацию в мире, крайне интенсифицируя ход американо-китайского противоборства. Провозглашенный американцем Ф. Фукуямой накануне окончания холодной войны и крушения Советского Союза прогноз о некоем триумфальном для США «конце истории», основанный на распространении по всему миру либеральной демократии западного образца и невозможности из-за этого крупных войн, оказался очевидным мифом.

И подобный разворот событий, связанный с прохождением «точки невозврата» в противостоянии двух супердержав, выглядит вполне закономерным, поскольку в самом парадоксальном симбиозе «Кимерика» изначально таилось острое противоречие, которое было связано с недостаточным учетом фактора различных темпов хозяйственной динамики США и КНР и неуклонного

изменения соотношения сил между ними. Между тем в последнее десятилетие над планетой все более крепчает «восточный ветер»: стремительными темпами обозначается безусловное лидерство китайской «всемирной фабрики», которая со временем все большую долю своих доходов начала вкладывать уже не в американский долг, а в звенья собственного народнохозяйственного комплекса, новейшие технологии и человеческий капитал. Как результат, в 2010 г. Китай перегнал Соединенные Штаты по объему промышленного производства, а в 2014 г. и по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, и быстро уходит в отрыв. Так, если еще в 2013 г. ВВП КНР, по оценке Всемирного банка, составлял 98,8% от американского, то в 2014 г. – уже 105,4%, в 2016 г. – 109,8%, в 2016 г. – 115,3%. В то время как в коронакризисном 2020 г. национальный продукт США сократился на 3,4%, китайский, наоборот, возрос на 2,3%. Скорее всего, примерно в 2028 г. Китай в качестве набирающего силу претендента на гегемонию обгонит США как слабеющего вожака по объему создаваемого ВВП в расчете и по текущему валютному курсу (который к тому же уже сегодня существенно преувеличивается методологическими странностями американской статистики). Конечно, гегемония стран Юго-Восточной Азии будет намного более отчетливой еще через 15–20 лет, но уже сегодня можно зафиксировать факт формирования здесь центра глобального производства товаров и услуг. Экспорт КНР в 2019 г. составил 2,498 трлн долл., в то время как в США он достигал лишь 1,645 трлн долл., причем китайский перевес по этому показателю был достигнут посредством вывоза не столько продукции легкой промышленности, как ранее, сколько машин, оборудования, транспортных средств и электроники.

За последние годы вашингтонская администрация безвозвратно утратила действенный контроль над политическими и социально-экономическими процессами, протекающими не только внутри самих Соединенных Штатов, но также в Европе, Африке и целом ряде стран Азии параллельно с резким усилением роли КНР во всех этих регионах. Волюнтаристская попытка Д. Трампа возродить на территории США производство товаров на базе шестого технологического уклада успехом не увенчалась. Решительно восстановив в этой стране доминирование финансового сектора над реальным, Д. Байден еще более приблизил конец ее экономической гегемонии.

Хотя в настоящее время в целом еще сохраняется американская геэкономическая и геополитическая мощь, однако со всей наглядностью разворачивается очередной передел мировой власти. Весьма символично, что его интенсификация сегодня оказалась сопряженной с приходом эпидемии коронавируса из КНР в США. За «дымовой завесой» невиданной в течение 100 лет (после «испанки» начала XX в.) пандемии разворачивается судьбоносная и уже не допускающая компромисса схватка двух мировых гигантов – одного, постепенно уходящего в тень и вступившего в «осень», и другого, активно набирающего

обороты в рамках своей «весны». В ходе нее на ведущие позиции решительно выходят представители уже не североамериканской модели мирохозяйственно-го устройства общества, а той модели, которая сформировалась в странах Юго-Восточной Азии во главе с Китаем. Не случайно уже сегодня в топ-7 ведущих мировых держав входят пять государств, расположенных в азиатской части Евразийского континента: КНР, Индия, Япония, Россия и Индонезия. Эти обстоятельства, названные В. Клиновым «великой перестройкой мировой экономики» [4. С. 144], кардинально изменяют прежнюю глобальную конфигурацию, состоявшую из движения «управляющей державы» (США) и «восходящей державы» (КНР) одним курсом. Разрыв «Кимерики» стал неизбежным, поскольку стремительно возросший Китай в погоне за реализацией своих национальных интересов все более открыто вступает в битву за глобальное доминирование. Властей этой страны уже совсем не устраивает положение «младшего брата», экономического сателлита США, занятых перекачкой в свою пользу подавляющей доли добавленной стоимости.

Известно, что главными защитниками американского мирохозяйственного уклада являются Международный валютный фонд и Всемирный банк, чьи штаб-квартиры находятся в Вашингтоне рядом с Белым домом. Они имеют полулегальное соглашение с Министерством финансов США как главным координатором, спонсором либеральной глобализации и опираются на рекомендации ведущих американских аналитических центров. Еще в 1980-х гг. руководители этих наиболее мощных экономических институтов пришли к консолитированному выводу о том, что главным препятствием для развертывания международной торговли и, соответственно, глобального экономического роста в мире являются таможенные и иные барьеры, которые необходимо устранить целой совокупностью правил осуществления проамериканской экономической политики. Так на мировую арену пришли принципы так называемого «вашингтонского консенсуса» (от лат. consensus — согласие, единодушие), сразу же переведенные в практическую плоскость, хотя и системно сформулированные только через некоторое время (а именно в 1989 г.) сотрудником вашингтонского Института международной экономики Дж. Уильямсоном.

Утвердив некий свод правил «вашингтонского консенсуса», МВФ в качестве глобального проводника неолиберальных принципов требует от многих развивающихся стран Латинской Америки, Азии, Африки, уже оказавшихся в долговом кризисе, их неукоснительного соблюдения при проведении реформ в экономике и финансовой системе, а Всемирный банк жестко увязывает с подобным поведением предоставление им новых кредитов, направляемых в основном на выплату старых долгов. Эти финансовые организации, созданные американскими транснациональными корпорациями, негласно преследуют цель предельно жесткого устранения стратегических конкурентов Соединенных Штатов преимущественно экономическими методами. В качестве

неких «бульдозеров» они расчищают дорогу глобализации мировой экономики, которая в представлении З. Бжезинского представляет собой не что иное, как продвижение интересов США по всему миру. Обозначившаяся глобализация всемирного хозяйства, решительное открытие государственных границ внешнему миру стали предъявлять все более жесткие требования к конкурентоспособности национальной экономики, вынуждая власть к отказу от значительной части суверенитета в рамках складывающихся интеграционных союзов.

Принципы «вашингтонского консенсуса» требуют от властей зависимых стран с формирующимися рынками решительного отказа от регулирования цен на все товары и услуги и их стремительного приближения к мировому уровню; замораживания роста номинальной заработной платы для предотвращения раскручивания инфляционной спирали «заработная плата – издержки производства – цены»; сокращения в интересах минимизации бюджетного дефицита до критически низкого уровня правительственных расходов на социальные цели; превращения образования и здравоохранения в набор услуг, предоставляемых преимущественно на платной основе; урезания объема господдержки предприятий, всемерного упрощения процедуры их банкротств; переложения налогового бремени с богачей, чьи предельные налоговые ставки резко сокращаются, на бедняков для ликвидации дефицита бюджета и внешнего долга, а значит, высокой инфляции (то есть в интересах обеспечения так называемой «макроэкономической стабилизации»). Подчеркивается независимость от правительства центрального банка и ужесточение условий предоставления кредитов всем субъектам экономической системы. Настоятельно рекомендуются крайне ограниченная денежная эмиссия не в связи с потребностями национальной экономики, с реально существующим спросом на деньги, а в строгом соответствии с объемом поступающей в страну иностранной валюты («валютное правление»); жесткий контроль над объемом денежного предложения для достижения высокой положительной реальной ставки процента и создания тем самым крайне ощутимых конкурентных преимуществ для иностранных компаний (сравнительно с отечественными), не испытывающих ограничений при получении дешевых долгосрочных кредитных ресурсов, а также для всемерного поощрения сбережений и торможения инфляции в результате адекватного урезания потребительской активности домохозяйств.

Предполагается также отмена ограничений в развитии частного сектора, создаваемого в основном за счет форсированной приватизации государственной собственности и госпредприятий (даже в сферах, где невозможна реальная конкуренция) лицами, уже обладающими капиталами и административной властью. При этом приватизация всех ресурсов, их превращение в предмет свободной купли-продажи рассматривается как ведущее направление неких «структурных реформ» при решительном отказе государства от проведения

подлинно структурной и активной инвестиционной политики и пассивном расчете на ничем не ограничиваемый приток иностранных инвестиций. Особое значение придается либерализации внешнеэкономической деятельности и обеспечению полной открытости национальной экономики по отношению к мировому рынку посредством отмены внешнеторговых квот, резкого сокращения ввозных таможенных тарифов и ослабления нетарифных протекционистских мер защиты внутреннего рынка в ходе торговли с зарубежными странами. Все это нацелено на обеспечение бесконтрольного трансграничного перемещения капитала, крайне выгодного для зарубежных финансовых спекулянтов, которые стабильно вывозят из периферийных государств свои сверхдоходы. Установление режима плавающего обменного курса отечественной валюты преследует цели сделать ее свободно конвертируемой, полностью зависимой от доллара, а также всемерного поощрения сырьевого экспорта. Реализация столь обширной программы предполагает наличие твердой власти в стране либо в форме всенародной поддержки марионеточного правительства, либо в виде военной диктатуры, интервенции, ракетной атаки и других изуверских приемов.

Между тем в ходе смены господствующих мирохозяйственных укладов на мировую арену в качестве реальной альтернативы разрушительному и неуклонно теряющему привлекательность неолиберальному «вашингтонскому консенсусу» выдвигается некий «пекинский консенсус» (или «поствашингтонский консенсус»), дирижистскую суть которого определил в 2004 г. американец Дж. Рамо. Если первый склонен выдавать всем странам периферии мировой экономики некие единообразные предписания в области формирования и реализации государственной экономической политики, решительно не принимая в расчет ни уровень достигнутого ими хозяйственного развития, ни исторические, социально-политические, культурные различия между ними, то второй, напротив, отчетливо нацелен на всесторонний учет реформаторами реально существующих отличий между странами, находящимися в состоянии тесного взаимодействия. Действительно, серьезно различаясь по своему политическому строю, авторитарный Китай и демократическая Индия, тем не менее, успешно координируют принимаемые совместные решения, позволяющие им сохранять и укреплять лидирующее положение в общемировой динамике ВВП. Именно эти государства (а также Япония, Южная Корея, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Иран и некоторые другие), по всей видимости, будут определять в наступающее «азиатское столетие» генеральные тенденции развития всемирного хозяйства.

Азиатский мирохозяйственный уклад обладает серьезными достоинствами. Не случайно его ведущий разработчик Дэн Сяопин, которого называют «великим архитектором китайских реформ», в своем завещании призывал преемников проявлять сдержанность, никогда не действовать поспешно, не вмешиваться в чужие

дела, активно заниматься экономикой, развитием своей страны. По его рекомендациям цены на многих товарных рынках (особенно монопольных, сырьевых) находятся под жестким контролем государства, что позволяет конечным производителям без проблем сохранять свое присутствие в структуре воспроизводства, наряду с широким привлечением прямых иностранных инвестиций посредством формирования благоприятного делового климата. Неуклонный рост заработной платы, помимо стимулирования трудовой активности, позволяет наращивать покупательную способность населения, а переложение налоговой нагрузки на богачей гарантирует большую справедливость в распределении, а также дестимулирование сбережений. Темпы разворачивания приватизации, преимущественно денежной, не выглядят форсированными, поскольку главное в трансформации отношений собственности – не скорость, а качество, не ликвидация государственных предприятий, а создание предприятий частных рядом с ними. В рамках структурной политики в национальной экономике сознательно создаются точки роста в форме технопарков и свободных экономических зон, четко ориентированных на экспорт.

Фискальная и монетарная политика в рамках «пекинского консенсуса» преследуют цель не столько остановить разворачивание инфляционных процессов (которые могут сохраняться на довольно высокой отметке), сколько обеспечить рост ВВП и минимизацию безработицы. Поэтому объем государственных закупок, в том числе продукции оборонно-промышленного комплекса, и правительственных трансфертов сохраняется на весьма высоком уровне, а реальная процентная ставка за кредит из-за независимой и ответственной политики центрального банка не зашкаливает во избежание нехватки инвестиций в национальную экономику. Власти не склонны драматизировать ситуацию циклического бюджетного дефицита и вовсе спешат поскорее рассчитаться с внешним государственным долгом, делая акцент на погашение задолженности перед собственным народом. Регулируемый курс национальной валюты не завывается ни стихийно – из-за протекающей некоторое время инфляции, ни сознательно – во имя поощрения экспортной деятельности компаний и дестимулирования конкурирующего импорта. Решение последней задачи достигается и за счет поддержания ввозных таможенных пошлин на довольно высокой (вплоть до запретительного уровня) отметке.

В Китае сформирован мощный блок правительственных и деловых структур, который призван обеспечить кардинальные перемены в пространственном размещении производственных ресурсов с адекватным учетом общемирового разделения труда. В рамках «пекинского консенсуса» формируется устойчивое частно-государственное партнерство, которое реализует интересы не неких глобально-олигархических кланов, не «золотого миллиарда», обслуживанием гипертрофированного потребления которого занимается остальное, во многом недоедающее население планеты, а общества в целом. Близкая

к оптимуму комбинация преимуществ плановой системы с достоинствами рыночного саморегулирования, социалистической идеологии и частного предпринимательства, стратегического управления и государственного кредита с частной собственностью, масштабных государственных инвестиций с контролируемым привлечением иностранного капитала позволила представителям этого мирохозяйственного уклада обеспечить подлинное «экономическое чудо». В отличие от американской системы доминирования финансового сектора и производства денег, подавляющая доля которых вкладывается в разнообразные рано или поздно лопающиеся финансовые «пузыри», в китайской системе наряду с некоторыми проявлениями финансиализации всемерно стимулируется производство промышленных товаров, причем все более наукоемких и высокотехнологичных. Акцент в государственной политике делается здесь не на финансовый, а на реальный сектор национальной экономики, который, будучи активно поддерживаемым национализированной банковской системой, жесткими ограничениями на вывоз капитала сознательно нацеливается на достижение приоритетных макроэкономических целей, которые органично выстраиваются вокруг главной цели — устойчивого и справедливого экономического роста с соответствующим неуклонным повышением общественного благосостояния. В этом интегральном мирохозяйственном укладе, в котором императивом все более становится экологическая чистота производственной деятельности, государство вместо пассивного лоббирования краткосрочных интересов глобального финансового олигархата активно занимается долгосрочным планированием, формированием и своевременным варьированием приоритетов структурной политики, активно используя построенную здесь суверенную финансовую систему для противодействия частнособственническим интересам местных предпринимателей и спекулятивным атакам извне. Приток даже прямых иностранных инвестиций ограничивается с 2007 г., когда их субъекты были лишены налоговых и иных преференций с унификацией механизма налогообложения для иностранных и отечественных компаний.

Крупным дефектом американской экономики выступает огромный и неуклонно нарастающий внутренний государственный долг, ликвидация которого теоретически может случиться только за счет дефолта с неизбежной вследствие этого девальвацией доллара и стремительным ускорением инфляционных процессов. Что же касается сопоставимой по своим масштабам внешней задолженности государства, то ее сокращение возможно лишь путем отказа китайским держателям американских государственных облигаций в их погашении. В отличие от США у КНР довольно невысокий внешний долг, а совокупная государственная задолженность в 2020 г. лишь приблизилась к пороговому значению финансовой безопасности в 60% ВВП. Чрезвычайно привлекательным для потребителей выглядит соотношение «цена — качество» по подавляющему большинству выпускаемой здесь продукции, стремительно развивается собственная наука.

Если первые крупные предприниматели Америки (например, Г. Форд, Д. Рокфеллер) в начале и середине XX в. много и умело трудились, демонстративно вели аскетический образ жизни, наращивая сбережения и направляя их на инвестиции, активно занимались благотворительностью, то ценности жизни американской бизнес-элиты в XXI в. кардинальным образом поменялись. Далекие от признания полезности собственного труда, гипертрофированно склонные к отдыху и развлечениям, большинство представителей этой элиты проявляют откровенно потребительскую идеологию, доминирование сугубо коммерческих, причем краткосрочных спекулятивных целей. В этой связи важным достоинством китайской модели социально-экономических отношений, выгодно отличающих ее от современной американской (да и российской тоже) модели, выступает всемерное поощрение честного и умелого труда людей, финансовой скромности политиков и крупных собственников в сочетании с жестоким наказанием тех из них, кто выбивается из общего правила и начинает либо демонстрировать паразитическое потребление, либо использовать в корыстных интересах свое доминирующее положение на рынке. Побуждая национальный бизнес становиться социально ответственным, последовательно искоренять причины массовой бедности, государство и само показывает ему пример ответственного подхода, четкой ориентации на реализацию национальных интересов (хотя разрыв между богатыми и бедными людьми, а также регионами, наносящий ущерб сбалансированному развитию страны, пока все же весьма заметен).

Мировое лидерство Китая в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, электроэнергетике, формирование здесь нового ядра хозяйственной мощи, в том числе через стремительный прогресс образования, поддержание крайне высокой нормы накопления и, соответственно, опережающий рост инвестиций и ВВП ставят под сомнение дальнейшее социально-экономическое доминирование США. Недавнее решение Народного банка Китая прекратить прирост международных резервов в долларовой форме наложило жесткие ограничения мировому спросу на американскую валюту, положив тем самым предел стремлению ФРС искусственно наращивать ВВП этой страны за счет работы печатного станка и желанию Минфина финансировать бюджетный дефицит посредством выпуска государственных облигаций. Это судьбоносный шаг способен чрезвычайно ускорить смену американского мирохозяйственного уклада – азиатским. К тому же система преимущественно частного здравоохранения США продемонстрировала в 2020 г. свою явную беспомощность перед лицом эпидемии коронавируса, несмотря на рекордное финансирование. Неподготовленность американской «индустрии здоровья», насквозь пронизанной сугубо рыночными отношениями, к успешному противостоянию пандемии обусловлена ее отчетливой региональной разобщенностью, отсутствием здесь единой организации здравоохранения в масштабах

всей страны. Весьма противоречивая комбинация высокого уровня ее технологичности (а значит, и предельно завышенных тарифов на оказываемые медицинские услуги) с отсутствием системы централизованного финансирования лечебных учреждений на общенациональном уровне исключает доступность стандартных антиковидных механизмов для десятков миллионов менее обеспеченных американцев, не обладающих страховыми полисами. Действительно, едва ли они способны сегодня раскошелиться даже на операцию аппендицита стоимостью 30 тыс. долл., не говоря уже о лечении от коронавируса стоимостью до 75 тыс. долл. В то же время куда менее затратная китайская государственная система здравоохранения, тесно интегрированная в другие сферы общественной жизни (и дополненная беспрецедентными по жесткости карантинном и правилами перемещения сотен миллионов людей), отчетливо проявила не только способность оперативно и адекватно реагировать на столь мощную эпидемиологическую угрозу национальной безопасности, но и готовность оказывать неопределимую помощь другим пострадавшим от пандемии странам. На базе мобилизационного потенциала китайской системы государственного управления властями использовались, как отмечает Л. Новоселова, «многочисленные остановки производства, прекращение транспортного сообщения, изоляция ряда территориальных единиц, замораживание международных экономических контактов». Китайское государство «полностью взяло на себя расходы граждан на лечение от коронавирусной инфекции, а также выделило из бюджета необходимые субсидии для ускоренного возведения и ввода в эксплуатацию специализированных инфекционных госпиталей» [6. С. 78, 79].

И подобный стиль управления практикуется далеко не только в медицинской сфере. Крупнейший за всю историю человечества китайский мегапроект «Один пояс – один путь» (ОПОП) четко ориентирован вовсе не на «выжимание соков» из экономики стран-партнеров, а, напротив, на обеспечение ускоренного развития их народнохозяйственных организмов посредством не столько кредитной поддержки, сколько развертывания всесторонней экономической интеграции. Разветвленная по всему миру сеть его партнеров уже в 2019 г. насчитывала 167 (причем не только государств, но и международных организаций), и создавали они 35% глобального ВВП. Так, объем внешнеторгового оборота между странами, поддерживающими ОПОП, составлял 6,4 трлн долл., объем китайских прямых инвестиций в их экономику достиг отметки в 110 млрд долл. (а встречных их инвестиций в экономику КНР – 50 млрд долл.) [7. С. 4–5, 8]. «Пекинский консенсус» отвергает применение санкционных мер во внешней политике и предполагает реализацию принципа равноправия в экономических взаимоотношениях государств. В отличие от американского капитала, сила которого измеряется через интенсивность разложения экономики стран, ему противостоящих, мощь китайского капитала может быть измерена интенсивностью порождаемых им интеграционных процессов, которые протекают в общем и целом к взаимной выгоде сторон.

Конечно, китайская экономическая модель не лишена серьезных недостатков. Так, масштабы денежной накачки экономики КНР, сопровождаемые раздуванием огромных «пузырей» на фондовом рынке, обрекают ее на неминуемую стагнацию в обозримой перспективе после их схлопывания и, как результат, обострение в социальной сфере. Трудно также называть взаимоотношения КНР со своими стратегическими партнерами некоей благотворительностью. Именно подписание многосторонних экономических соглашений позволяет властям этой страны в рамках мегапроекта «Один пояс – один путь» осуществлять в своих интересах действенный контроль над транснациональными цепочками добавленной стоимости. Не секрет, что обеспечением крупных китайских кредитов обычно выступают наиболее ликвидные активы стран-заемщиков. Так, для Венесуэлы это встречные поставки нефти в Китай, заем на строительство морского порта в Шри-Ланка выдан под китайский контроль над этим портом и долгосрочную аренду земли вокруг него. Такой механизм кредитования не может не подрывать национальный суверенитет становящихся зависимыми стран и приводит к масштабному перераспределению доходов от совместных проектов в пользу формирующегося мирового гегемона. К тому же стремление китайских властей направлять на многие из возведенных объектов исключительно свою рабочую силу препятствует созданию здесь новых рабочих мест для местных работников и передаче им производственных навыков, технологий. Конкурирующий товарный импорт из Китая влечет за собой закрытие многих предприятий, закрепляет сырьевую направленность национальных экономик, взрывной рост государственного долга (с 0,5 трлн долл. в начале века до 5 трлн долл. в 2018 г.) усиливает риск дефолта, а традиционная опора энергетики на уголь приближает экологическую катастрофу. Не случайно некоторые государства, попавшие в долговую ловушку КНР (Пакистан, Малайзия, а в перспективе и Беларусь), уже начинают по возможности активно защищаться от избыточной китайской экспансии в их хозяйственную жизнь. Не следует недооценивать также широкое использование «красным драконом» для всемерного приближения своего технологического лидерства не только таких полулегальных инструментов, как манипулирование курсом юаня, а именно его занижение посредством накопления огромных международных резервов, предоставление своим экспортерам щедрых субсидий, принуждение зарубежных частных инвесторов к трансферу критически важных технологий, фальсификация качества поставляемой на всемерно стимулируемый экспорт продукции, но и откровенного промышленного шпионажа, циничного нарушения прав интеллектуальной собственности, игнорирования целого ряда экологических нормативов. Однако при всех недостатках «китайского консенсуса» его достоинства существенно превосходят их, в то время как «дружба» с США создает для сателлитов нарастающие угрозы национальной безопасности. Поэтому можно заключить, что Китай формирует ныне

такую модель внешнеэкономической политики, которая привлекает новых ее сторонников с той же силой, с какой модель американская откровенно отпугивает потенциальных партнеров.

Многие из отмеченных достоинств и недостатков придают формирующемуся азиатскому мирохозяйственному укладу отчетливое сходство с укладом, сформированным еще полвека тому назад в Советском Союзе. И это неудивительно, коль скоро становлению китайской экономической модели активно содействовали советские специалисты, ученые и практики. И надо признать, что если бы в 1970–1980-е гг. в СССР были своевременно осуществлены рыночные преобразования по градуалистскому сценарию, то экономическая система нашей страны, скорее всего, была бы сегодня довольно похожей на китайскую разновидность. А с учетом куда более предпочтительного ее стартового состояния в области науки, техники, образования, здравоохранения и культуры, а также важного преимущества, связанного с наличием гигантских природных ресурсов, не только китайская и индийская, но и российская (а может быть, и сохранившаяся советская) экономика могла стать глобальным лидером современного мира. Сегодня же реальной может быть лишь стратегия органичной интеграции отечественной экономики в азиатский мирохозяйственный уклад.

Конечно, смена господствующего мирохозяйственного уклада вовсе не происходит мгновенно. Так, уход Великобритании с позиций мирового гегемона протекал не менее трех десятилетий между двумя мировыми войнами. Поэтому экономико-политическая мощь США тоже будет сохраняться еще довольно продолжительный период (примерно 15–20 лет), в течение которого их власти будут сопротивляться закономерному ходу истории, а спекулянты с Уолл-стрит – продолжать присваивать самые крупные в мире доходы. Активно противодействуя усилению своего конкурента и препятствуя всеми силами становлению нового мирохозяйственного уклада, американская олигархия через многочисленные государственные структуры и впредь будет всячески сдерживать экспорт новейших технологий в Китай, развязывать разрушительные для обеих стран торговые войны, вынуждать свои компании возвращаться на родину из азиатского «турне», ограничивать снабжение экономики Поднебесной энергоносителями. Как в 1930-е гг. власти Великобритании активно противились экспорту в эту страну более дешевой американской продукции, так и современные Соединенные Штаты вводят протекционистские барьеры для китайских товаропроизводителей, все более отчетливо выигрывающих как в ценовой, так и неценовой конкуренции. Причем чем более острые формы обретает внутренний кризис в Соединенных Штатах, и чем стремительнее их национальная экономика в посткоронавирусный период станет отставать от экономики КНР, тем более агрессивными они будут становиться на внешней арене, пытаясь вместе со своими союзниками наносить предельно

мощные политические и экономические удары по своим стратегическим противникам. Победить в противоборстве с Китаем и Россией американцам едва ли удастся, однако его эскалация в обстановке острого дефицита времени (особенно в связи с перевооружением российской армии и флота) является для них единственным реальным способом притормозить закономерный ход истории. При этом открытие США качественно нового фронта борьбы за сохранение своей мировой гегемонии – фронта биологического – создает ныне реальную угрозу самому факту дальнейшего существования человечества.

Трагизм сложившейся ситуации состоит в том, что смена господствующих мирохозяйственных укладов в соответствии с закономерностями вековых циклов, обычно происходящая, как это будет в ближайшие годы, в момент завершения кондратьевского длинноволнового цикла, всегда сопровождается не только глубочайшей структурно-технологической перестройкой мирового хозяйства, но и серьезными социально-политическими конфликтами. Кардинальное изменение баланса политико-экономических сил и самого мироустройства способно перевести усиливающуюся при этом гонку вооружений в разрушительные мировые войны. Последние возникают либо из-за стремления страны-претендента, набравшей экономическую мощь, на господство, решительно нарушить сложившуюся ситуацию, либо из-за желания страны-гегемона сохранить сложившийся неэквивалентный обмен с мировой периферией, из которой на стадии зрелости уходящего мирохозяйственного уклада уже вырастает ее реальный конкурент. Сегодня Соединенные Штаты объективно находятся в положении древней Спарты, неуклонно терявшей преимущества своего доминирования под натиском быстро набирающих силу Афин (в роли которых выступает сегодня Китай). Американский политолог Г. Аллисон для обозначения такой ситуации в 2015 г. ввел в оборот термин «ловушка Фукидида» (в честь древнеафинского историка и военачальника), доказывая на многочисленных исторических примерах, начиная с Пелопоннесской войны, а также, например, военных действий голландцев против Испании и англо-голландских войн, почти фатальную неизбежность возникновения при этом крупных вооруженных конфликтов. Причем в ходе их развертывания даже победитель обычно несет серьезные потери, а проигравший и вовсе скатывается глубоко вниз по лестнице хозяйственного развития.

Если признать обоснованность этой гипотезы, то стремление США, четко идентифицировавших главную долгосрочную угрозу своему доминированию, нанесением первого удара приостановить экономическое и, особенно, технологическое развитие КНР (путем противодействия экспансии китайских Huawei, ZTE, дестабилизации в Гонконге и т.п.) и тем самым продлить собственную мировую гегемонию будет предопределять развертывание событий всех предстоящих лет, включая их попытки любой ценой не допустить вполне вероятной военно-экономической интеграции Китая и России. Нынешние

претензии США в адрес китайских властей в распространении коронавируса по планете (например, через Институт вирусологии в Ухане) и сокрытии информации об этой эпидемии преследуют цель не только отвести упреки от себя, но и отказаться на этом основании от погашения своего гигантского внешнего долга перед Китаем.

Конечно, попадание США и Китая в «ловушку Фукидида» едва ли будет сопровождаться горячим военным конфликтом этих стран и их ближайших союзников. Одной из генеральных общемировых тенденций последнего времени является развертывание качественно новой формы противостояния ведущих держав — гибридной войны, которая, как и все другие разновидности военных действий, выступает формой продолжения политики иными средствами. В такой ситуации мировая гибридная война, интенсивность которой стремительно нарастает, является вполне закономерным проявлением механизма развертывания системных циклов накопления капитала Арриги. Ее глубинной причиной является завершение уже давным-давно (с момента отвязки доллара от золота) периода материальной экспансии американского системного цикла накопления капитала с господствующей созидательной идеологией кейнсианства и вступление в затяжную, но имеющую естественный временной предел, разрушающую национальное хозяйство фазу финансовой экспансии с неоклассической идеологией монетаризма и теории экономики предложения. Окончательное завершение «золотого века» экономики США будет сопряжено с очередным кардинальным изменением модели государственного регулирования экономики, переходом от либеральной его разновидности к той или иной степени дирижизма. Как результат, человечеству во вполне обозримой перспективе предстоит завершение длительного, начиная с распада СССР, периода господства единственной сверхдержавы, вступившей, говоря словами В. Ленина, в «высшую и последнюю стадию» своей эволюции.

Несмотря на сохраняющуюся и поныне теснейшую торгово-экономическую взаимозависимость КНР и США, власти последней оказались попросту вынужденными пойти на риск хозяйственных утрат, связанных с разрывом многих отношений этих стран. И хотя их нынешнее противостояние напоминает чем-то советско-американское противоборство времен холодной войны, оно все же выглядит более многозвенным и намного более опасным для всего мира. Если первое, опирающееся на военно-политический паритет, в значительной степени все же стабилизировало ситуацию на планете, то второе, связанное с ожесточенной конкуренцией на многочисленных рынках, интенсивной борьбой за экономический передел мира, очень напоминает ситуацию накануне Первой мировой войны, когда налицо была реальная угроза утраты Великобританией хозяйственного доминирования. Однако, не будучи сведенной к военному аспекту, что наблюдалось при противоборстве НАТО и Варшавского договора, конфронтация США и Китая становится

куда более многоаспектной. Столкнувшись с непреодолимыми сложностями в поддержании своего статуса, власти Соединенных Штатов для максимально-го продления в будущем своей гегемонии наверняка постараются задействовать весь сохраняющийся в их распоряжении военно-политический потенциал, параллельно с регулярным инициированием довольно крупных военных конфликтов на периферии с использованием мощных (особенно информационных) инструментов гибридной войны.

Так что предстоящая смена циклов гегемонии означает очередное вступление всемирного хозяйства в некий «век беспорядка», но с учетом указанных выше отличительных особенностей китайской модели речь может идти не о разрушительном, а о созидательном характере назревших перемен. Действительно, наибольшую угрозу для США представляют сегодня Китайская Народная республика и Российская Федерация (как наследница главного в недавнем прошлом их геополитического противника – Советского Союза), которые неслучайно в Стратегии национальной безопасности этой страны образца 2017 г. обозначаются «ревизионистскими» государствами, стремящимися кардинально пересмотреть сложившуюся в последние три десятилетия международную архитектуру. Их торгово-экономический и военно-политический союз рассматривается заокеанскими инициаторами гибридной войны как основная угроза нынешнему мировому порядку, поскольку в рамках него могут быть органично соединены китайская хозяйственная мощь с российским ракетно-ядерным могуществом. Во всяком случае, США в настоящее время не только не располагают аналогами российских гиперзвуковых ракет «Кинжал», «Циркон» и «Авангард», но и не способны перехватывать их в рамках систем ПРО.

Известно, что ни один из крупных политических лидеров (Германия, Великобритания, Франция и Япония) не может взойти на «олимп» без предварительного одобрения американской элиты, их карьера в решающей степени предопределена готовностью настойчиво отстаивать в проводимой геэкономической политике стратегические интересы Соединенных Штатов. Между тем Россия, частично восстановившая свой прежний экономический потенциал, обладающая огромными ресурсными и серьезными научно-техническими возможностями, всегда отличалась предельно высоким и крайне опасным для США уровнем самостоятельности в принятии стратегических решений в отличие от не имеющих достаточной степени автономии давно поработанных американских союзников, хотя не испытывающих, надо признать, особого желания слепо усиливать свою конфронтацию в отношении нашей страны и ее альянса с Китаем. А если в процессе интеграции наших стран – географических соседей в мировой валютно-финансовой системе появится еще и самодостаточный китайско-российский компонент, будут налажены устойчивые взаимные расчеты в национальных валютах, масштаб которых станет адекватным удельному весу стран-участников ШОС и ЕАЭС

во всемирном хозяйстве, то глобальному доминированию доллара и американской финансовой системы будет нанесен непоправимый ущерб. Вполне вероятный отказ множества стран, стремительно объединяющихся сегодня вокруг Поднебесной, от американской валюты во взаимных расчетах, а также в структуре международных резервов и, как результат, резкое падение спроса на нее в ходе последовательной дедолларизации части мировой экономики, переход от покупки облигаций федерального казначейства к их форсированной распродаже лишат Соединенные Штаты возможности дефицитного финансирования собственных масштабных расходов, вынудят их покрывать бюджетный дефицит преимущественно эмиссионными источниками с неизбежным обесценением нынешней ведущей мировой валюты.

Сокращение масштабов неэквивалентного обмена между различными странами в рамках формирующегося азиатского цикла накопления капитала приведет к дальнейшему ослаблению американской модели экономической системы, что существенно сократит возможности нынешнего гегемона финансировать проведение агрессивных военно-политических операций по всему миру. А урезание способности США поддерживать текущий уровень военных расходов блока НАТО станет дополнительным фактором, приближающим доминирование азиатского мирохозяйственного уклада. «Происходящая эскалация мировой гибридной войны, – обосновывает С. Глазьев ее главную причину, – отражает стремление США любыми средствами и инструментами максимально оттянуть момент краха своей финансовой системы и перескочить на новую длинную волну роста до ее разрушения» [2. С. 20]. При этом по мере повышения экономической мощи Китая и его союзников, интенсивность гибридной войны будет закономерно нарастать.

Задача нашего государства при взаимодействии с другими углами треугольника «США–Китай–Россия», по нашему мнению, заключается в том, чтобы извлечь для себя как можно больше дивидендов из противоборства Соединенных Штатов и КНР, оказавшихся в очередной «ловушке Фукидида» и потому обреченных на значительные взаимные экономические потери в ходе усиливающейся гибридной конфронтации. Российским властям целесообразно попытаться в этот переломный период, используя обозначившиеся контакты с администрацией Д. Байдена, избежать своего попадания в эту «ловушку», а значит, получить реальные выгоды от проявляющегося в последнее время естественного стремления Вашингтона по возможности стабилизировать отношения с Москвой (объективно переходящей из первой категории противников США во вторую) и тем самым отвлечь ее от дальнейшего укрепления хозяйственных и военных связей с Пекином посредством ослабления антироссийской санкционной войны.

В складывающейся геэкономической ситуации ответ на вопрос, будет ли Россия занимать достойное место в центре (а не на полупериферии) грядущего

мироустройства в решающей степени зависит от того, продолжит ли экономический блок российского правительства безуспешную эволюцию в русле «вашингтонского консенсуса», либо власти сумеют использовать многие ценности советской системы государственного управления (столь плодотворно задействованные нашими успешными восточными соседями, хотя и в преобразованном рыночными отношениями виде) в тесной экономической интеграции с представителями «пекинского консенсуса» для адекватного ответа на многочисленные вызовы и угрозы XXI в.

Мы убеждены, что в ближайшей перспективе центр экономической интеграции России с другими странами с учетом объективных закономерностей развертывания вековых циклов гегемонии должен неуклонно смещаться в азиатский регион. В рамках создания широкой международной антидолларовой коалиции против запоздалой американской агрессии целесообразно в рамках подобного «разворота на Восток» стремительное расширение сферы внешнеэкономического сотрудничества с КНР и другими странами ШОС. Такое сотрудничество могло бы стать ведущим способом противодействия санкциям и другим орудиям гибридной войны, а также фактором органичного вхождения нашей страны в формирующийся в Евразии альтернативный американскому мирохозяйственный уклад. Интеграция с Китаем вполне может обернуться кардинальными переменами не только в хозяйственном механизме с появлением в структуре органов управления таких государственных, как М. Мишустин, А. Белоусов, Ю. Борисов, но и в самой российской экономической модели, возвращением в нее некоторых принципов укрепляющейся в КНР планово-регулируемой экономики (включая отношения собственности). Ведь без этих изменений, которые вполне могут явиться результатом соответствующих требований со стороны восточного стратегического партнера, вне отказа от приверженности российского правительства неоллиберальной модели и «вашингтонскому консенсусу» какая-либо унификация совместно проводимой социально-экономической политики принципиально невозможна. Впрочем, нельзя не замечать, что на этом принципиально верном пути неизбежны серьезные препятствия – не только нежелание осторожных китайских властей нарываться на дополнительные ограничительные меры со стороны США, но и неготовность многих отечественных компаний успешно конкурировать с все более высокотехнологичными китайскими корпорациями. К тому же, как отмечает В. Красильщиков, детально изучивший хозяйственный опыт Бразилии, «ориентация внешнеэкономических связей на Китай не способствует модернизации экономики и технологическим прорывам, а, наоборот, закрепляет аграрно-сырьевую специализацию огромной страны, усугубляя ее негативную деиндустриализацию» [5. С. 59].

Тем не менее развязанная против России гибридная война побуждает нашу страну к активизации торгово-экономических связей и с другими странами

альтернативного Западу экономико-политического блока БРИКС – не только с Индией и Китаем, но также с Бразилией и Южной Африкой. Тенденцией последних лет является неуклонное повышение доли этих государств в мировом ВВП, составившей уже в 2015 г., по расчетам С. Глинкиной и А. Яковлева на основе данных Мирового банка, свыше 20% по текущему валютному курсу и почти треть (30,7%) по паритету покупательной способности [3. С. 116–117]. Ведомый новым мировым хозяйственным лидером – Китаем, БРИКС как расширяющийся неформальный клуб государств «пекинского консенсуса» способен в обозримой перспективе стать одним из наиболее мощных центров силы как в экономическом, так и в геополитическом отношении, в формирующейся ныне модели глобальных отношений. Поэтому отстаивание российских национальных интересов во взаимодействии с участниками этой интеграционной программы (особенно недопущение рассматривать нашу страну всего лишь как территорию между КНР и Евросоюзом как привилегированным рынком сбыта китайской продукции) является крайне важным фактором ускоренного роста отечественной экономики. Для возвращения России с полупериферии непосредственно в центр мировой экономики необходимо задействование властями целого спектра качественно обновленных инструментов внешнеэкономической политики. Интеграцию ШОС, ЕАЭС в грандиозный китайский проект «Один пояс – один путь» можно рассматривать в качестве результативной попытки вхождения целого ряда постсоветских государств, включая Российскую Федерацию, в формирующийся сегодня в качестве господствующего азиатский мирохозяйственный уклад.

Литература

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
2. *Глазьев С.* Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // *Экономическое возрождение России.* 2020. № 2. С. 15–31.
3. *Глинкина С.П., Яковлев А.А.* Торговое сотрудничество стран БРИКС в условиях Китаецентричности и политики импортозамещения в России // *Вестник ИЭ РАН.* 2017. № 5. С. 116–131.
4. *Клинов В.* Великая перестройка мировой экономики // *Вопросы экономики.* 2015. № 11. С. 144–155.
5. *Красильщиков В.А.* Деиндустриализация в Бразилии: Уроки для России // *Экономическое возрождение России.* 2018. № 3. С. 46–62.
6. *Новоселова Л.В.* Государственная антивирусная политика: поучительная китайская практика // *Российский экономический журнал.* 2021. № 2. С. 77–90.
7. *Хейфец Б.А.* Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2020. 62 с.

Sergey Kapkanschikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Head of the Chair of Economics, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

THE WAY OF RUSSIA FROM WASHINGTON CONSENSUS TO BEIJING CONSENSUS: A SOUND CHOICE

The article uses the methodology of world-systems analysis and the theory of systemic cycles of capital accumulation to spotlight the turning point of the modern era in connection with the unfolding change in the dominant world economic order. The intensification of the US hybrid war against China and Russia is seen as an inevitable consequence of the completion of a systemic cycle. A comparative analysis of the outdated “Washington consensus” is carried out, as well as of the “Beijing consensus” that is superseding it. The need for the multidimensional integration of Russia into the Asian world economic order is justified as a way to strengthen her national security and to ensure sustainable economic development in the foreseeable future.

Keywords: systemic cycle of capital accumulation; world economic order; “Washington Consensus”, “Beijing Consensus”.

DOI: 10.31857/S020736760016131-3